

ВЯЧЕСЛАВ БУРДЫКО

«Честь моей бригады – моя честь...»

Из приказа Министра обороны Республики Беларусь № 42 от 4 февраля 1994 года:

*«Учитывая значимость славных боевых традиций и важность памяти о тех, кто во имя Родины не жалел своей жизни и крови, за воинскую доблесть и героизм, проявленные на поле брани, в списки личного состава 4-й батареи войсковой части 11921 навечно зачислить гвардии полковника **Потанина Федора Федоровича**».*

За всю 70-летнюю историю существования 111-й артбригады службу в ней проходили тысячи солдат и офицеров, — только командиров за это время сменилось более двух десятков, — в том числе и геройски проявившие себя в годы Великой Отечественной войны гвардии майор Иван Азаренков и гвардии полковник Григорий Костиков, память о которых свято хранится в части. Почему же навечно в списки личного состава зачислен именно Федор Потанин, занимавший в бригаде должность начальника штаба даже не в военное, а в спокойное мирное время? Да, он фронтовик, артиллерист, прошел практически всю войну, был тяжело ранен, встретил Победу под Берлином, отмечен многими правительственными наградами. Но ведь воевал не в этой части. Свои подвиги совершал в составе других воинских соединений. За какие тогда заслуги такая честь? Приказ министра обороны — не формальность, не дань моде. Прежде чем принять это решение, изучалось мнение солдат и офицеров бригады: кого здесь хотели бы видеть в роли «почетного солдата» — так в армии называют тех, кого навечно зачисляют в списки личного состава. И это мнение было единодушным. Я беседовал со многими воинами-артиллеристами — и нынешними, и теми, кто служил в бригаде 15 лет тому назад, интересовался, почему Потанин, а не кто-то другой. Мне казалось: если найду ответ на этот вопрос — пойму характер героя своего будущего очерка. Из рассказов и коротких мнений-реплик и сложился образ.

Должность начальника штаба любой воинской части, на первый взгляд, не посвященного в армейские дела человека, — отнюдь не героическая, не боевая, скорее наоборот — канцелярская, бумажная, имеющая отношение больше к приказам, донесениям, картам, схемам и другим документам, нежели к живым людям. На самом деле это распространенное среди гражданского населения мнение очень далеко от реального положения дел. Начальник штаба — второй по значимости после командира офицер в воинском соединении. Он олицетворяет собой ум, а значит — тактику и стратегию действий этого соединения как в условиях мирных учений, так и на поле настоящего боя. В отсутствие командира именно начальник штаба принимает на себя всю ответственность за судьбу своей части: за дисциплину и порядок, за успехи и неудачи, за победы и поражения. И в мирное время, и в военное. А если в должности командира находится человек нерешительный, слабохарактерный или, не дай бог, перестраховщик (бывает и такое!), то и не только в его отсутствие. Люди военные могут, наверное, меня обвинить в незнании азов воинской дисциплины и служебной субординации, но пример Потанина убеждает в том, что в реальных условиях служба не всегда идет строго по уставам и формальным положениям.

...Федор Потанин родился 10 июля 1922 года в деревне Аннино Тамалинского района Саратовской области в бедной крестьянской семье. Да и какой мог быть недостаток в хозяйстве, глава которого был инвалидом, получившим увечья

еще во время Первой мировой войны? А в девятилетнем возрасте мальчишка и вовсе остался сиротой: и отец, и мать, и даже старенький дед умерли от тифа в период страшного «голодомора», который разразился в начале тридцатых годов на Поволжье. Тяжелое голодное детство наложило свой отпечаток на его судьбу. Беспризорничал, батрачил... Федор Федорович с горечью вспоминает сейчас, как тогда добывал себе средства для существования, работая фактически за кусок хлеба и миску горячего супа. А что еще мог заработать девяти-десятилетний мальчишка? Пас коров, кормил домашнюю скотину, заготавливал дрова, пахал землю... Многому научился... И нужду стойко переносить. И тот же кусок хлеба ценить. И на человеческое тепло и заботу откликаться всем сердцем.

Я почему так подробно о том периоде потанинской жизни? Да потому что именно тогда формировались главные черты высокой нравственности этого человека, закладывался фундамент его характера. Ведь тысячи таких же, как он, ребяташек-беспризорников пошли другим путем: чтобы как-то прокормиться — воровали, грабили, даже убивали. Федор Потанин становится преступником не хотел принципиально — помнил и чтит пример родителей. А те, как бы бедно и голодно ни жили, на чужое никогда не зарились. И единственного сына тому же учили. Впрочем, кто знает, как бы сложилась дальнейшая его судьба (и искушений в жизни много, и учителя-наставники разные встречаются, и характер у пацана еще не сформировался), если бы не счастливый случай. Однажды, было это холодной поздней осенью 1934-го, его встретил на одном из железнодорожных вокзалов родной дядя, материн старший брат. Как они друг друга узнали — одному Богу известно, но факт остается фактом: опознал дядя в маленьком, грязном и голодном оборванце своего племянника. Из бессвязного, сбивчивого рассказа узнал о страшной смерти родителей и забрал мальчишку к себе. Несмотря на то, что сам жил в нищете, что собственная семья ютилась в сыром подвальном помещении, где и повернуться-то можно с трудом.

Эта случайная встреча круто изменила всю дальнейшую жизнь. Кстати, и фамилию тоже. Потаниным Федор стал по дяде, от рождения же он носил другую, отцовскую, фамилию — Корсаков.

В кругу ставшей ему родной семьи Федор оттаял, отошел душой. Жизнь постепенно наладилась. Учеба в школе, увлечение спортом — волейбол, баскетбол, шахматы. Одним из первых в классе вступил в пионерскую организацию, затем — в комсомол. Теперь он вспоминает тот период как лучшее время своей жизни. Спокойный, уравновешенный, справедливый и вместе с тем неисправимый весельчак и оптимист, Федор Потанин и в юности пользовался непререкаемым авторитетом среди своих сверстников: был комсоргом класса, вожатым в пионерском лагере во время летних каникул, инициатором и организатором многих интересных и полезных дел. Вместе со страной, которая строила новое социалистическое общество, уверенно смотрел в будущее и юный Федор Потанин. 1941 год должен был стать особой вехой в его судьбе. Он и стал. Но только совсем не так, как мечталось. В его 10«А» классе выпускной вечер был назначен на 25 июня. А 22-го началась война. Выпускной так и не состоялся. Все мальчишки 10«А» в полном составе во главе со своим комсоргом Федором Потаниным уже через несколько часов после объявления по радио о нападении фашистов на Советский Союз стояли у ворот райвоенкомата — он находился на той же улице, что и школа. Суровый военком в новенькой офицерской форме даже рассмеялся от такой прыти неоперившихся юнцов:

— По домам, ребята, по домам! С фрицами мы и без вас справимся... Малой кровью и на вражеской территории! Ждите. Если понадобится — сами вызовем.

Ни он, ни эти рвавшиеся в бой мальчишки, ни миллионы других советских людей тогда не могли даже предположить, какой крови потребует та страшная война. Она не обошла ни одну семью, забрала десятки миллионов жизней не только солдат и офицеров, но и женщин, детей, стариков. Расстрелянных, заму-

ченных в концлагерях, сожженных заживо в сараях и храмах, повешенных на городских площадях и сельских перекрестках...

Федор Потанин «понадобился» только в 1942 году. Дошла и до него очередь доказывать в реальном деле свой патриотизм, свою преданность Родине и народу. По стечению обстоятельств в армию Федора призвали 23 февраля — в день, когда в СССР отмечали очередную годовщину рождения Красной Армии. Поэтому с особым чувством рвался в бой: к тому времени уже прекрасно осознавая, что путь к победе предстоит долгий и невероятно трудный. И как же был разочарован, когда узнал, что его направляют не на фронт, а в... тыл, в город Кострому, где в эвакуации находилось 3-е Ленинградское артиллерийское училище. Снова учиться! От обиды чуть не расплакался. Но... В армии приказы командиров не обсуждаются. Пришлось в ускоренном темпе постигать азы артиллерийского военного искусства. Интересная это была наука. Десять месяцев вместо четырех лет в мирных условиях. Что можно успеть? Но война требовала совершенно иных подходов. И к сражениям. И к учебе. И вообще — к жизни, к человеческим отношениям. Восемнадцати-девятнадцатилетние мальчишки после первого боя становились мужчинами. Или погибали.

В декабре 1942-го, успешно окончив училище, Федор прибыл для дальнейшего прохождения службы в 102-ю Дальневосточную дивизию 70-й армии войск НКВД, которая находилось на Курской дуге. Впрочем, это словосочетание стало знаменитым несколькими месяцами позже, в разгар ожесточенных боев летом 1943 года. Именно тогда в ходе Великой Отечественной войны был достигнут окончательный перелом в пользу Красной Армии. Знаменитое танковое сражение под Прохоровкой, фактически первая за время войны успешная летняя стратегическая операция, проведенная советскими войсками... Наступательный порыв наших армий был таким мощным и решительным, что после Курской дуги гитлеровские вояки уже практически без остановок покатались обратно в свое логово. Но до окончательной победы над жестоким и коварным врагом было еще долгих два года. А в декабре 1942-го Федор Потанин, назначенный командиром топографического взвода артиллерийского дивизиона 356-го артиллерийского полка, в составе только что переформированной 70-й армии сразу попал в бой. В дивизионе только он один имел профессиональную подготовку, все остальные офицеры были призваны из запаса. Агрономы, учителя, инженеры... Они понятия не имели о тактике боевых действий, не знали материальной части вооружения. Да что говорить! Когда 102-я дивизия выгрузилась из эшелонов на какой-то маленькой железнодорожной станции под Курском, только в одной, второй, батарее имелись снаряды. Аналогичная ситуация была и в стрелковых частях. Многие бойцы бросались на врага с пустыми руками, артиллеристы тащили орудия, которые не могли стрелять. Вот таким обескураживающим было боевое крещение. Шли бои местного значения... Они даже не отражались в сводках Совинформбюро, хотя люди гибли тысячами. 30 процентов личного состава 356-го артиллерийского полка полегло в тех боях на обильно политой кровью курской земле. Не лучшим было положение и в других частях 70-й армии, принявшей на себя один из основных ударов фашистской военной машины в первые дни июля 1943 года на Курской дуге. Несмотря на мощную контрартподготовку, проведенную советскими войсками за два часа до начала немецкого наступления, враг был еще силен и наступал огромными силами. Решающую роль в его разгроме в Курской битве сыграли наши танки и артиллерия. Свой вклад в эту победу внес и Федор Потанин со своими топографистами. Задачу они выполняли очень важную и очень сложную. Под шквальным огнем противника топографисты (фактически — разведчики) на господствующих над окружающей местностью высотках корректировали огонь своих батарей. Гитлеровцы, естественно, в первую очередь старались выявить и подавить их позиции, наспех оборудованные с помощью одних только саперных лопаток. Один точно посланный снаряд — и поминай как звали! Топографисты почти всегда находились впереди всех, на

нейтральной полосе, и противник, обнаружив их, стремился уничтожить во что бы то ни стало, применяя для этого не только свою артиллерию, но и танки, автоматчиков. Нередко во время таких атак приходилось вызывать «огонь на себя» собственных орудий. Шансов уцелеть в такой кутерьме практически не было.

Федору Потанину удивительно везло. Ни в первом, ни во многих последующих боях его даже не зацепило. Ни пулей, ни осколком вражеского снаряда. Он, будто заговоренный, сидел посреди настоящего ада и наводил, наводил, наводил свои батареи на появлявшиеся гитлеровские танки, обнаружившие себя орудия противника, скопления его живой силы. Но запас везения однажды закончился. Тот пасмурный, дождливый сентябрьский день Федор запомнил навсегда. Утром состоялось открытое партийное собрание. Была на войне такая традиция: перед очередным боем рассматривать заявления солдат и офицеров о приеме в Коммунистическую партию. Среди нескольких других кандидатов на этот раз был и лейтенант Потанин. О его мужестве и героизме уже ходили легенды, молодого офицера уважали и подчиненные, и старшие командиры. За справедливость и человечность, за дисциплинированность и верность воинскому долгу, за обязательность и умение четко организовывать действия своего взвода. Решение парт-организации дивизиона было единодушным: принять Федора Потанина в ряды ВКП(б). Через час он уже шел в бой коммунистом. Это сейчас некоторые лжеисторики подвергают сомнениям руководящую роль компартии в жизни страны, и в частности, в победе над фашистской Германией. А тогда лозунг «Коммунисты — вперед!» отображал реальное положение дел. Коммунисты действительно шли впереди и в мирных, и в военных сражениях и вели за собой всех остальных. Стать членом партии накануне атаки — особая честь. Это право предоставлялось только лучшим из лучших — бойцам, проявившим личное мужество и героизм в предыдущих боях.

...Что-то не заладилось в третьей батарее, которой командовал капитан Орлов. Автомобилист по профессии, он недавно был призван из запаса и еще слабо ориентировался в артиллерийской специфике. Лейтенанту Потанину пришлось брать управление на себя. А тут еще прекратилась связь с передней линией, «ослеп» практически весь дивизион — то ли провод оборвало шальным снарядом, то ли корректировщики погибли. Федор принимает решение идти самому на наблюдательный пункт. Взяв с собой двух бойцов, где ползком, попластунски, где короткими перебежками, петляя между разрывами немецких мин и снарядов, уклоняясь от пулеметных очередей, за полчаса добрался до нужной высоты. Сержант и два солдата, которые наводили дивизион на вражеские цели, были мертвы. Наскоро подправив окоп, маленькая боевая группа лейтенанта Потанина приступила к своей главной работе. По метким выстрелам советских артиллеристов фашисты поняли, что высота вновь «оживила», и накрыли ее бешеным огнем из всех видов оружия. Когда это не помогло, немецкое командование бросило в атаку большую группу автоматчиков. Положение было критическим. Три ствола против сотни вражеских. Не надо быть математиком, чтобы понять, какое подавляющее преимущество имел противник. Потанин вызвал огонь собственных батарей на себя и поднял в штыковую атаку весь свой личный состав — двух солдат-топографистов с винтовками. В этот момент подбежавший гитлеровец прошел его в упор автоматной очередью. Федор упал и больше уже ничего не видел и не слышал. Он не знал, что тот бой все-таки завершился в пользу наших, что его подобрала санитары из другого полка, пришедшего на помощь соседям, что в своем дивизионе лейтенанта посчитали погибшим и даже отправили на родину похоронку... Обо всех этих событиях ему стало известно гораздо позже, после того, как, полгода провалявшись по госпиталям, а потом еще несколько месяцев проведя в запасном полку в должности преподавателя, вернулся в апреле 1944-го в родную часть.

Ранение было тяжелым, врачи уже вычеркивали молодого офицера из числа здоровых и годных к дальнейшей службе и даже предприняли попытку ампутации.

тировать одну ногу, но Потанин воспротивился и вопреки всем медицинским прогнозам не только выжил, но и вернулся в строй. Морально помогло и то, что в одном из госпиталей его «нашел» партбилет, который не успели вручить в сентябре 1943-го, а потом еще и орден Отечественной войны II степени...

На фронте Потанин снова в самой гуще боевых действий. Как раз начиналась знаменитая наступательная операция «Багратион», которая завершилась полным освобождением Белоруссии. Прежде Федору не приходилось бывать в этих краях. Но то, что он увидел в освобожденных белорусских городах и селах, заставило сжаться от боли и гнева его сердце. После себя оккупанты оставили только трубы печей на месте сгоревших сельских домов, руины городов и поселков, неубранные трупы людей и животных, и виселицы, виселицы, виселицы... И еще запомнились тысячи березовых крестов вдоль дорог на могилах гитлеровских бесславных вояк. Редкие люди, уцелевшие после нескольких лет жизни в условиях немецкого так называемого «нового порядка», встречая воинов-освободителей, плакали и рассказывали о таких ужасах и зверствах фашистских палачей, что волосы дыбом вставали. Потанин, еще не зная и не предполагая даже, что вся его дальнейшая, послевоенная, жизнь пройдет на белорусской земле, уже тогда, летом 1944-го, шагая по ее истерзанным бомбами, снарядами и минами дорогам и проселкам, заросшим сорняками полям, принимал боль этой измученной земли в свое сердце.

Теперь он состоял в новой должности — начальника штаба дивизиона 222-го артиллерийского полка своей родной 70-й армии. Прибавилась и еще одна звездочка на погонах. Новые люди в подчинении, новые задачи, новая ответственность — теперь уже за весь дивизион. Вместе со своими бойцами он освобождал Брест, форсировал Западный Буг, участвовал в жестоких боях за Варшаву, штурмовал десятки немецких городов и крепостей, в том числе и в страшной битве за Берлин. Кстати, и войну закончил неподалеку от германской столицы — в 115 километрах севернее ее, в городе Гюстроф. Уже в звании капитана, а к ордену Отечественной войны II степени добавились медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга» и многие другие.

— В последнее время все чаще и чаще на Западе звучат голоса о том, что главную роль в победе над Гитлером сыграли войска союзников, — возмущается Федор Федорович. — А советские, мол, свои победы одерживали исключительно за счет количества личного состава, заваливая поля сражений трупами собственных солдат. Побывали б эти «знатоки» истории на тех полях! Конечно, потери были большие. Фашисты против русских сражались остервенело, яростно, отлично понимая, что пощады не будет после всех тех зверств, которые они натворили на оккупированных советских землях. С боем приходилось брать каждый хутор, каждый городской квартал, каждый клочок земли. К примеру, после завершения операции «Багратион», когда мы форсировали Западный Буг и подошли к Варшаве, в нашем полку оставалось в строю менее тридцати процентов солдат и офицеров. Аналогичная ситуация была практически во всех частях не только 70-й армии, но и других армий и фронтов. Пришлось переходить к обороне, чтобы провести переформирование, пополнить войска людьми, вооружением, боезапасом. Теперь же отдельные польские политики обвиняют Советский Союз в предательстве: мол, специально остановили наступление, чтобы не прийти на помощь восставшей Варшаве. Меня, как непосредственного участника освобождения польской столицы, до глубины души возмущают эти необоснованные обвинения. Разве лидеры эмигрантского польского правительств, находившиеся в Лондоне и спровоцировавшие выступление варшавян, согласовали с советским командованием сроки восстания? Разве они не знали, что наши войска обессилены и обескровлены в результате многомесячного наступления? Всё они прекрасно знали! И подняли восстание специально, чтобы поставить русских перед фактом: мол, это мы сами освободили свою столицу и поэтому имеем право на власть в стране. Они думали тогда о народе? О будущих жертвах? О крови,

которая прольется? И лишь когда окончательно поняли, что восстание не удалось, что все его участники обречены, когда увидели, что фашисты буквально залили город кровью, — стали умолять Сталина о помощи, о немедленном наступлении Красной Армии. И ведь Сталин откликнулся, пошел навстречу. Сотни тысяч советских солдат и офицеров отдали свои жизни, освобождая столицу Польши. И у кого-то хватает совести обвинять нас в предательстве?! Просто кощунство какое-то...

День Победы — особый день в судьбе каждого солдата, принимавшего участие в войне. Его ждали, к нему шли долгих четыре года. Мы уже привыкли праздновать этот великий день 9 Мая. На самом же деле о победе над фашистской Германией было объявлено 2 мая 1945 года. Федор Федорович вспоминает, что утро этого весеннего дня было необыкновенно теплым, солнечным и... тихим. От непривычной тишины у людей закладывало уши. Особенно чувствовали эту тишину артиллеристы, для которых шум, грохот — дело вообще обыденное. И практически все, кто проходил службу в артиллерии, страдают глухотой.

Вот и Федор Федорович Потанин, в свои 87 лет сохранивший в принципе нормальное для своего возраста здоровье, до сих пор способный обходиться во всех домашних делах без посторонней помощи, слышит плохо. Поэтому разговаривать с ним непросто. Приходится по несколько раз задавать одни и те же вопросы, повышать голос почти до крика. Зато с памятью и со здравым смыслом у ветерана полный порядок. Помнит фамилии, имена-отчества почти всех своих сослуживцев — и тех, с кем прошел дорогами войны, и тех, с кем служил бок о бок в послевоенное время. И обо всех боях-сражениях, в которых принимал участие, может рассказать подробно, в деталях. Может, но не любит это делать. Право слово, не часто мне приходилось встречать ветеранов, которые бы так скупно рассказывали о своем личном участии в боевых операциях, о собственных подвигах. Сведения об этом приходилось вытаскивать из него будто клещами, он постоянно уходил в сторону, отвлекался на другие подробности, говорил о своих друзьях-товарищах, о героизме простых солдат, служивших под его командованием. Скромность — это, кстати, главная черта характера многих настоящих фронтовиков, кто действительно воевал, а не отсиживался в тылу. Да и не только фронтовиков — это как знак качества настоящих мужчин. Для них главное — не слово, а дело. Почему Федора Потанина любили солдаты и уважали командиры? Да потому что он утверждал себя в их глазах не «политинформациями-проповедями» о долге и чести, а личным примером, поступками, в которых всегда присутствовали и долг, и честь, и совесть, и многие другие качества, отличающие настоящего офицера, настоящего человека от карьериста, приспособленца, умеющего красиво говорить, но трусливо убегающего с поля боя от врага, спасая собственную жизнь. Наверное, поэтому и оба сына Федора Федоровича — и старший, Николай, который по примеру отца стал офицером и тоже дослужился до полковника, и младший, Владимир, избравший мирную профессию строителя и прошедший в ней путь от рядового мастера до главного инженера крупного стройуправления, — стали уважаемыми и авторитетными людьми. Школьные учителя приходили домой к Потаниным, интересовались секретами воспитания детей, чтобы другим родителям их опыт передать. А о чем рассказывать? Он ни разу не повысил на сыновей голос, никогда не наказывал их физически — просто сам всегда, ежедневно, ежечасно, ежеминутно, честно и добросовестно выполнял свою мужскую работу. И дома, и на службе. Не перекладывал ответственность за порученное дело на подчиненных. Не прятался за спинами сослуживцев. Не оправдывался, если был виноват. Но и тех, за кого отвечал, в обиду не давал.

Через год после войны, в 1946-м, когда капитан Потанин прибыл домой в краткосрочный отпуск, приемные родители стали горячо благодарить его за какие-то посылки, которые он якобы присылал им с фронта. Федор чрезмерно удивился: никаких посылок он не отправлял. Как потом выяснилось, это солдаты его дивизиона так благодарили своего командира за справедливость. Да ладно

бы обычные бойцы — так ведь бывшие зеки, которые попали на фронт хоть и добровольцами, но все-таки из мест заключения и поначалу доставившие Потанину кучу всяких неприятностей. Однажды дошло до того, что за «мародерские действия» своих «бандитов» (так сформулировали в особом отделе) Потанин был арестован и чуть не попал под трибунал. Только личное вмешательство командующего армией спасло его тогда от расстрела. Случилось это на территории Польши, в начале 1945-го. Советские войска наступали, передовые части сильно продвинулись вперед, тылы здорово поотстали, в том числе и полевые кухни, солдатам даже сухой паек выдавали с перебоями. Вот и повадились отдельные бойцы из числа нового пополнения ходить за продовольствием в ближайшие деревни. Кто-то из местных жителей пожаловался воинскому начальству, дело дошло до особого отдела. Не сносить бы головы капитану Потанину, если бы сами жители той польской деревушки, прослышав об аресте понравившегося им офицера, не побежали к генералу Попову: мол, никто нас не грабил, сами давали продукты голодным солдатам. Кстати, Потанин к моменту своего ареста уже провел собственное расследование и знал, кто «реквизировал» курицу в хозяйстве местного ксендза. Но на допросах в особом отделе никого из своих подчиненных не выдал, всё твердил: я — командир, я — виноват, меня и наказывайте... Благодаря беспроволочному солдатскому телеграфу об этом быстро стало известно в части, и капитана зауважали еще больше.

Или вот такой еще был случай. Уже в послевоенное время. Поехал Федор с женой во время отпуска в Крым отдыхать. Зашли они вечером в ресторан поужинать. Официант приносит бутылку дорогого коньяка и говорит: «Это вам с соседнего столика просили передать». Что такое? Почему? Оказывается, это Фомин, бывший солдат из его полка. Несколько лет тому назад Потанин его от тюрьмы спас, когда тот из-за любимой девушки заперся с автоматом в караульном помещении и под горячую руку грозился или сам застрелиться, или кого-нибудь из своих сослуживцев застрелить. Тогда только Потанин, вернувшись после обеда в часть, и смог уговорить Фомина сдать оружие. А после еще и добился, чтобы командир полка не предавал дело огласке, а разобрался с виновником ЧП своими силами. Фомина, конечно, наказали — из нарядов два месяца не вылезал, но под трибунал все-таки не попал. Кстати, служил потом отлично, «дембельнулся» из армии сержантом, отличником боевой и политической подготовки. И вот теперь — коньяк в ресторане. Как знак благодарности за человеческую справедливость и офицерское благородство.

После окончания войны капитан Федор Потанин был направлен в город Слоним Гродненской области в 28-ю танковую дивизию, в артиллерийский полк, где прошел службу от командира батареи до заместителя начальника штаба артиллерии дивизии. С 1957 по 1959 год — старший офицер штаба артиллерии 28-й армии в городе Гродно, с 1959-го по 1961-й — заместитель командующего артиллерией 55-й стрелковой дивизии 28-й армии.

В 1961 году в их армии случилось ЧП. В 111-м артиллерийском полку проходила комплексная проверка. Комиссия — из самой Москвы, из Министерства обороны. Итоговая оценка прозвучала в штабе армии как взрыв крупнокалиберного снаряда: «неудовлетворительно». Наказали всех, кто был причастен: командира полка, его заместителей, начальника штаба понизили в должностях и разогнали по дальним гарнизонам. А Федора Потанина вызвал к себе сам командующий армией и по-отечески попросил: мол, мы вам доверяем, вы — один из лучших офицеров, не могли бы поехать в Брест, послужить в проштрафившемся полку начальником штаба годик-другой, навести в части порядок? В армии просьба — это приказ. А приказы, как известно, не обсуждаются.

В Брест Потанин прибыл 21 сентября 1961 года. Почти два десятилетия прошло с тех пор, как он освобождал этот город, но еще были видны в нем следы войны, особенно в Брестской крепости, где в то время дислоцировался артполк. Мужеством и героизмом дышали израненные осколками вражеских бомб и

снарядов стены казарм и укреплений. И на этой священной земле, политой кровью ее защитников, служить «неудовлетворительно»?! У Федора Федоровича это просто в голове не вмещалось. Как и всегда прежде, Потанин и на новом месте службы не произносил высоких слов о воинском долге, не говорил длинных поучительных речей. На первых же стрельбах он сам встал к орудию и поразил все цели с первых выстрелов. А через год на очередной проверке полк получил «отлично» по всем видам боевой и политической подготовки. Что же касается «годика-второго» командировки в Брест, то они растянулись на всю оставшуюся жизнь. В 111-м артиллерийском полку (в 2004 году переформированном в бригаду) он дослужил до пенсии, получил звание гвардии полковника и в 1971 году был уволен из Вооруженных Сил СССР в запас. В неполных пятьдесят лет Федор Потанин был полон сил и энергии, поэтому еще многие годы продолжал трудиться на «гражданке». Но всегда душой тянулся в родную часть, создавал и организовывал работу совета ветеранов бригады — благо, командовавший в то время гвардии полковник Борис Михайлович Глазков и сменивший его гвардии полковник Борис Яковлевич Зильберман всячески приветствовали и поощряли контакты молодых солдат и офицеров с ветеранами части, особенно с бывшими фронтовиками, участниками войны, имевшими ценнейший опыт реальных боевых действий и щедро делившимися ими с молодежью. Да и сейчас командование бригады уделяет огромное внимание военно-патриотической, воспитательной работе с личным составом, привлекая к ней в первую очередь ветеранов Великой Отечественной.

* * *

Не менее славная биография и у самой этой артиллерийской воинской части. 471-й корпусной артполк (после многих преобразований и переименований ставший нынешней 111-й гвардейской артиллерийской бригадой) создан 15 октября 1939 года в городе Великие Луки Калининской области. Уже в январе 1940-го в составе 7-й армии получает боевое крещение в войне с финнами, а 12—13 марта принимает самое активное участие в ожесточенном штурме города Выборг.

После окончания финской кампании полк передислоцируется на Украину, в город Белая Церковь. Там и встречает начало Великой Отечественной войны. 1—2 июля 1941-го его спешно перебрасывают на направление главного удара немецко-фашистских войск — на Западный фронт, под Витебск. Там, на станции Рудня, недалеко от Орши, полк принял свой первый бой с гитлеровскими захватчиками. Тяжелое это было время: враг силен и коварен, окрылен легкими победами в Западной Европе и успешным началом войны с Советским Союзом, рвется к Москве, стремясь во что бы то ни стало завершить кампанию до наступления зимы. Наши войска отступают с тяжелейшими оборонительными боями, цепляясь за каждый населенный пункт, за каждую высоту, набираясь опыта и умения воевать.

На советской земле у немцев блицкрига не получилось. Как они ни старались. И в этом немалая заслуга артиллеристов. Особая страница истории 471-го КАП — участие в обороне Москвы. За выдающиеся заслуги в этой страшной битве, которая определяла весь дальнейший ход войны, судьбу не только столицы, но и всей страны, полк был дважды отмечен командованием и высшим руководством государства: 8 января 1942 года одним из первых среди артиллерийских частей получил почетное звание «гвардейский» и приказом НКО СССР № 4 преобразован во 2-й гвардейский пушечный артиллерийский полк резерва Главного командования, а через четыре месяца Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красного Знамени. Награды на войне так просто не даются. Тем более в те трагические дни, когда перевес сил был на стороне врага и о победе над ним еще не только говорить — мечтать мог разве что отъявленный оптимист. А тут аж два раза! Значит, действительно заслужили.

Вот как оценивала действия полка главная военная газета страны в передовой статье 10 января 1942 года: «Когда наши части под натиском превосходящих сил врага отходили от города Истра, командир 2-го гвардейского артиллерийского полка майор Иван Азаренков до последней минуты продолжал лично руководить огнем на поле боя. Истра была уже окружена, но майор оставался с частью своих бойцов на ее западной окраине, не давая немцам выйти на наши фланги. И лишь тогда, когда все наши войска отошли, выполняя приказ, гвардейцы-артиллеристы во главе со своим командиром с боем вырвались из города. Действуя смело и решительно, полк в боях у Истры уничтожил более двух батальонов немецкой пехоты и 42 танка, 50 танков рассеял, вынудив противника отступить...»

О подробностях того боя, за который полк и получил звание гвардейского, рассказывает в своих воспоминаниях бывший в то время командиром отделения разведки старший сержант Федор Чернобук: «В боях за Истру отлично действовал командир 8-й батареи Алифанов. Батарея подбила 18 танков. Разведчики Петков и Трипелец обнаружили скопления пехоты и автомашин и навели на них свою артиллерию. Внезапным огнем было сожжено 10 автомашин и уничтожено свыше 250 гитлеровцев. Мужество и отвагу проявили радист Муджири, разведчик Коршунов, командир отделения Серов. Наблюдательный пункт был выбран на колокольне Новоиерусалимского монастыря. Противник вскоре это обнаружил и непрерывно его обстреливал. Разведчики Петков и Трипелец неустанно корректировали огонь своих батарей. Телефонная связь была прервана, и радист Муджири громким голосом с грузинским акцентом передавал команды артиллерийским расчетам — благо, орудия стояли рядом, у стен монастыря. Но враг, имея огромное превосходство, наседал. Под покровом тумана отважные артиллеристы Баранов, Калмыков, Малин, разведчики Трипелец и Петков, радист Муджири последними покидали израненный Новоиерусалимский монастырь и объятый пламенем город».

Каждый день, каждый час, каждую минуту, без сна и отдыха, сражались воины-артиллеристы. Дальше отступать некуда — Москва за нами! Эти ставшие крылатыми слова героев-панфиловцев как нельзя лучше отражали моральное состояние всех советских войск, отбивавших натиск гитлеровских полчищ, стремившихся к столице нашей страны. Жесточайшие оборонительные бои: ни шагу назад, до последнего патрона и снаряда, до последней капли крови... Яростные контратаки... И, наконец, такое долгожданное наступление! Пусть оно еще и не означало конца войны — до победы было ох как далеко... Но советские воины уже почувствовали вкус этой победы, поняли, что фашиста можно и должно бить, что и этот опытный, захвативший всю Европу враг может драпать...

Из воспоминаний младшего сержанта Бехтеева: «Памятны бои под Москвой, где враг был остановлен и разгромлен. Дедово, Ленино, Снегири... Особенно ожесточенные бои разгорелись, когда наша батарея стояла у деревни Нахабино. Меня просто вдохновляла сплоченность расчета, его какая-то гигантская энергия. Особенно быстро и умело работал заряжающий Харьковский. В его руках тяжеленный 43-килограммовый снаряд казался легким резиновым мячиком. С ловкостью жонглера он закладывал его в канал ствола. Не задумываясь и точно готовил заряды ефрейтор Ефременко, четко работал замковый Коврижкин. Я могу сказать точно, что мы с честью справились с задачей и подбили 18 танков. Они не прошли, атака была отбита. Наши части впервые пошли на запад. Этот день останется у меня в памяти навсегда».

Во второй половине февраля 1942 года 5-я армия, в составе которой находился в то время и 2-й гвардейский артполк резерва Главного командования, переходит в наступление. Об ожесточенности боев, о мужестве и героизме советских воинов-артиллеристов рассказывает записка одного из участников тех боев Александра Виноградова, обнаруженная в 1958 году в винтовочном патроне, забитом в ствол березы: «Нас было двенадцать послано на Минское шоссе преградить путь перешедшему в контратаку противнику, особенно танкам. Мы стойко держались.

И вот уже нас осталось трое: Коля, Володя и я... Но мы будем стоять, пока хватит духа... И вот я остался один, раненный в голову и руку... Подбито уже 23 танка... Возможно, я умру... Но может, кто найдет когда-нибудь мою записку и вспомнит обо мне. Я из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья. Ваш Александр Виноградов. 22.2.1942 года».

Орден Красного Знамени — это была награда и тем, кто выжил и победил, и тем, кто отдал свои жизни в самые трудные дни войны, чтобы эту победу приблизить. А путь до нее был еще долгим и трудным. 2-й гвардейский артполк, с 8 июня 1942 года — 12-я гвардейская Краснознаменная тяжелая пушечная артиллерийская бригада резерва Верховного главнокомандования, принимает активное участие во многих дальнейших стратегических и тактических операциях Красной Армии. И всегда — успешно. Август 1942-го — Ржевско-Сычевская... Июль—август 1943-го — Курская битва... Лето 1944-го — операция «Багратион», завершившаяся полным освобождением Белоруссии... После взятия Минска бригаду повернули на северо-запад, на Восточную Пруссию. Весь личный состав очень сильно переживал, что не будет брать Берлин, главное фашистское логово. Но и на их направлении бои шли не менее ожесточенные. Гвардейцы-артиллеристы участвуют в освобождении Вильнюса и Каунаса, в Гумбиненской и Инстербургско-Кенигсбергской операциях, а завершают войну 9 апреля 1945 года, штурмом овладев городом и крепостью Кенигсберг.

В последние дни войны еще две награды украсили знамя бригады: 5 апреля 1945 года «за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, овладение городами Вормдтит и Мельзак и проявленные при этом доблесть и мужество» 12-я гвардейская артиллерийская бригада награждена орденом Кутузова II степени, а 9 апреля «за образцовое выполнение боевых заданий при штурме города-крепости Кенигсберг» ей присвоено почетное наименование «Кенигсбергская». А за все годы Великой Отечественной войны солдаты и офицеры бригады награждены: орденами Ленина — 2, Красного Знамени — 17, Кутузова 2-й степени — 1, Кутузова 3-й степени — 1, Александра Невского — 9, Отечественной войны 2-й степени — 77, Красной Звезды — 299, Славы 2-й степени — 4, Славы 3-й степени — 20, медалями «За отвагу» — 214, «За боевые заслуги» — 121...

* * *

Боевые традиции бригады свято сохраняются и приумножаются в мирное время. В сентябре 1945 года она была передислоцирована в Бобруйск, а в 1960-м — в Брест, где размещается по сегодняшний день. В 1981-м бригада принимала участие в крупномасштабных учениях «Запад-81», за умелые действия в которых личному составу была объявлена благодарность Министра обороны СССР, бригада награждена вымпелом Министерства обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

В настоящее время 111-я гвардейская артиллерийская бригада является одной из лучших частей войск Западного оперативного направления Сухопутных войск Республики Беларусь. Она успешно выполняла все поставленные задачи в ходе крупнейших оперативных и оперативно-тактических учений «Неман-2001», «Березина-2002», «Чистое небо-2003», «Щит Отечества-2004», командно-штабном учении «Щит Союза-2006», комплексном оперативном учении «Осень-2008», оперативно-стратегическом учении Вооруженных Сил Республики Беларусь и Российской Федерации «Запад-2009». В 2008 году бригада признана лучшей артиллерийской частью Сухопутных войск Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Нынешнее поколение гвардейцев-артиллеристов гордится тем, что им выпала честь служить в такой прославленной воинской части, и всячески стараются не посрамить славу своих предшественников. Так, например, во время последних

учений «Запад-2009» отличился 1-й гаубичный самоходный артиллерийский дивизион под командованием гвардии подполковника Кузенко, а командир 2-й батареи гвардии старший лейтенант Романов получил благодарность Министра обороны Республики Беларусь.

— В нашей части есть прекрасная традиция, — рассказывает заместитель командира бригады по идеологической работе гвардии подполковник Игорь Мишкин, — каждое новое пополнение принимает присягу в прославленной Брестской крепости. Вы бы видели лица солдат в эти минуты! Они светятся гордостью и счастьем...

Сам Игорь Михайлович по национальности русский, родился в Белоруссии в семье кадрового офицера Советской Армии. В 1989 году поступил в Одесское высшее военное артиллерийское командное училище имени М. В. Фрунзе, после распада Советского Союза отказался принимать присягу Украине, перевелся в Ленинградское высшее артиллерийское училище, которое с отличием окончил в 1993 году. Служил в Бресте, командовал огневым взводом, был старшим офицером батареи в 50-й бригаде, заместителем командира батальона в 38-й мобильной. Затем окончил Военную академию, по специальности морально-психологическое обеспечение боевой деятельности, служил на различных должностях в Осиповичах и Новогрудке, в 2007 году вернулся в ставший уже родным Брест. Женат, имеет двух дочерей: десятилетнюю Анастасию и годовалую Веронику. Не мыслит своей жизни без армейской службы.

— Главная задача политработника, — считает Игорь Мишкин, — воспитать солдата гражданином, патриотом своей страны. Тогда и с боевой подготовкой у него все будет в порядке, и с дисциплиной.

В 111-й артбригаде патриотов воспитывать умеют. Мне рассказали о таком случае. Год тому назад в часть с очередным пополнением пришел парень, который состоял на «гражданке» в рядах незарегистрированной молодежной экстремистской организации, активно участвовавшей в оппозиционной деятельности.

— За время службы в армии вся «дурь» из головы у него выветрилась, — смеется подполковник Мишкин. — Что мы с ним делали? Да ничего особенного. Просто учили любить и защищать свою Родину так, как это делали наши отцы и деды... Через год он коренным образом переменяет свои взгляды, вступил в ряды БРСМ, первичная организация которого создана в бригаде в январе 2004 года. Ее основной целью является создание условий для всестороннего развития молодежи, раскрытие ее творческого потенциала, воспитание патриотизма, как важнейшей духовной и социальной ценности не только армии, но и всего нашего общества.

Неоценимую помощь в этой работе офицерам бригады оказывают ветераны, особенно те, кто непосредственно участвовал в Великой Отечественной войне. Они — не редкие гости в части, встречаются с бойцами, рассказывают им о боях с немецко-фашистскими захватчиками, о героическом пути бригады.

— Очень сильно волнуют ежевечерние поверки, — рассказывает гвардии сержант Сергей Зиновик из Бреста. — Когда лучшие солдаты называют фамилии навечно зачисленных в нашу батарею ветеранов Великой Отечественной войны гвардии полковника Федора Федоровича Потанина и Героя Советского Союза гвардии старшего сержанта Герасима Павловича Кудряшева, сердце заходится, хочется во всем походить на этих людей, брат с них пример.

Герасима Павловича уже нет в живых, он умер 15 июля 1979 года. Но память о нем живет и сегодня. Он — почетный солдат бригады, в казарме второй батареи стоит его аккуратно заправленная кровать, на стене — портрет героя, в красном уголке висит плакат, рассказывающий о подвиге Кудряшева. «В ночь на 25 января 1945 года оружейный расчет гвардии старшего сержанта Герасима Кудряшева в составе штурмовой группы 23-й мотострелковой дивизии 3-й гвардейской танковой армии первым форсировал реку Одер в районе населенного пункта Грошовице, что в 5 километрах южнее польского города Ополе. В ходе

жестокого боя Герасим Павлович и его артиллеристы огнем прямой наводкой с захваченного плацдарма уничтожили все выявленные огневые точки противника, способствовали переправе стрелковых подразделений и переходу их в наступление. Мужественно и умело действовал расчет орудия и при отражении контратак фашистов...» Скупые слова из боевого донесения... А за ними — ледяная обжигающая холодом вода Одера, шквальный огонь обороняющегося врага, вставшая на пути горстки форсировавших реку советских воинов стена пуль, снарядов и мин, заснеженные лица убитых и стоны раненых друзей-товарищей... Они зубами зацепились за западный берег и не отступили ни на шаг, пока не переправилась вся дивизия. Это был подвиг, по достоинству оцененный командованием.

...У Сергея Зиновика свой счет к войне и особое отношение к военной службе. Его дед Николай воевал, сложил голову в боях под Варшавой в 1944-м. Отец, Василий, был офицером, дослужился до майора. Сергей после срочной службы в армии («дембель» у него следующей весной) собирается идти работать в милицию, уже и собеседование прошел. Армия, считает он, многое ему дала, приучила к дисциплине, порядку, научила ценить воинское товарищество.

— Каждый мужчина должен отслужить в армии, это отличная школа мужества, — убежден рядовой Владислав Бородко из Могилева. — У меня даже бабушка, Тамара Станиславовна, после войны служила в армии, а дед, Владимир Михайлович, работал в милиции, был начальником уголовного розыска. Кстати, отец проходил срочную службу тоже в Бресте, в 38-й мобильной бригаде. Так что Брест для меня — особый город, отец много о нем рассказывал. И я очень волновался, когда принимал присягу на площади Церемониалов в Брестской крепости!

* * *

...Беседуя с нынешними солдатами и офицерами прославленной 111-й гвардейской артиллерийской бригады, я всматривался в их лица, вслушивался в слова и старался понять: смогут ли эти молодые люди, если понадобится, защитить свою Родину так же мужественно, самопожертвенно, как это делали почти семь десятилетий тому назад их деды — участники Великой Отечественной. Ведь разное говорят о сегодняшней молодежи и о современной армии: что никакие они не патриоты, что не только воевать — даже стрелять не умеют, что на уме у них только музыка, девочки и Интернет... Не знаю, как в других воинских частях — не приходилось бывать в последние годы, но за весь личный состав 111-й бригады образца третьего тысячелетия скажу: защита Отечества в надежных руках. Подтвердил это мое убеждение и гвардии полковник запаса Федор Потанин, когда я, прощаясь с ветераном, поинтересовался, что он думает о боевом и морально-психологическом состоянии белорусской армии:

— Солдаты и офицеры, которые сейчас служат в 111-й бригаде, полностью соответствуют ее девизу. Вот как он звучит: «Честь моей бригады — моя слава!» Слава моей бригады — моя слава!»

Так держать, гвардейцы!

